

Эти слова эхом отозвались в ушах Линь Цинжаня, и воспоминания о вчерашнем дне вихрем закружились в его голове, становясь всё быстрее и хаотичнее.

Всё тёмное, грязное и отвратительное, что случилось вчера, слилось в один удушливый ком. Тело против воли задрожало и натянулось как струна.

— Не трогай меня! — Линь Цинжань резко вырвал руку и жадно, со свистом заглотил воздух. Едва дыхание немного восстановилось, он бросился бежать, даже не оглядываясь.

Мысли путались, а сам воздух вокруг казался удушливым и тошнотворным.

Он бежал, не разбирая дороги. Когда Линь Цинжань наконец пришёл в себя, то обнаружил, что стоит перед домом Гу Яньцина.

Взгляд его был совершенно пустым, расфокусированным. Медленно, точно в полусне, он шагнул в дом и толкнул дверь. Гу Хайфэн всё ещё ждал его в комнате. Заметив, в каком состоянии вернулся Линь Цинжань, он встревоженно шагнул навстречу.

— Прости... Можешь оставить меня одного ненадолго? — едва слышно прошептал Линь Цинжань.

Хайфэн послушно кивнул, мягко наказал ему обязательно лечь спать и бесшумно вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Линь Цинжань стянул куртку и с отсутствующим видом побрёл в ванную. Встав под холодные струи душа, он закрыл глаза, позволяя ледяной воде омыwać тело.

Он принялся ожесточённо, до красноты тереть кожу, отчаянно пытаясь смыть с себя эту грязь и унять подступающую к горлу тошноту.

Время словно остановилось. Лишь когда в комнате настойчиво завибрировал телефон, он кое-как накинул просторный халат и вышел из ванной.

После ледяного душа тело сковал лютый холод. Кожа побледнела до мертвенной белизны, а подушечки пальцев сморщились от воды.

Ледяные капли с мокрых волос скользили по ключицам и стекали ниже, теряясь в складках халата, едва прикрывавшего белоснежную грудь.

— Нет... это не так...

— Отпусти!

Линь Цинжань резко сел на постели, вырвавшись из плена кошмара. В виски тут же ударила острая боль.

Он устало потёр виски. Вчера он заснул в полузабытии, даже не высушив волосы, и теперь голова раскалывалась так, словно её сжимали тисками.

Прикосновение собственных ледяных пальцев к пылающему лицу заставило его вздрогнуть. Он попытался опереться на матрас и подняться, но ноги налились свинцовой тяжестью, и он бессильно упал обратно на подушки.

Лоб буквально горел, отзываясь острой болью на малейшее прикосновение его вечно холодных рук.

В дверь негромко постучали.

— Старший, ты проснулся?

Преодолевая дурноту, Линь Цинжань заставил себя подняться. Держась за стену, он медленно доковылял до двери и приоткрыл её.

— Что случилось? — хрипло спросил он.

Гу Хайфэн сразу понял, что с ним что-то не так.

— Старший, тебе плохо?

Он протянул руку, чтобы потрогать его лоб, но тут же испуганно отдернул ладонь — кожа была обжигающе горячей.

— Старший, да у тебя же жуткий жар!

— Всё в порядке, — слабо улыбнулся Линь Цинжань и махнул рукой. — Сейчас выпью жаропонижающее, и пройдёт. Ты хотел о чём-то поговорить?

— Да я хотел сказать, что мне сегодня нужно уехать... Из-за планов семьи меня не будет несколько дней.

Линь Цинжань понимающе кивнул, опираясь на дверной косяк, чтобы удержать баланс:

— Тогда поезжай скорее, не задерживайся из-за меня.

Гу Хайфэн вздохнул, качая головой:

— Старший, за кого ты меня принимаешь? Я же не бездушный чурбан, чтобы бросить тебя в таком состоянии. Возвращайся в постель, я сейчас вызову врача. Подожди здесь.

Его мобильный затерялся на самом дне рюкзака под ворохом вещей. В спешке раскидав их и не найдя телефона, Хайфэн раздражённо швырнул рюкзак в сторону и побежал в гостиную, чтобы позвонить со стационарного.

Линь Цинжань тяжело навалился на косяк. Сил стоять больше не оставалось, в коленях поселилась противная слабость, а каждый вдох давался с трудом — выдыхаемый воздух казался раскалённым паром.

Зрение стремительно застилал туман. Пытаясь на ощупь добраться до кровати, он развернулся, но зацепился ногой за ковёр и тяжело рухнул на пол, приложившись головой о стену. Острая боль на мгновение привела его в чувство.

— Жар?

Услышав этот глубокий, чистый голос, Линь Цинжань мелко задрожал, и всё его тело мгновенно напряглось.

Земля внезапно ушла из-под ног — кто-то поднял его на руки. Линь Цинжань испуганно вскинул голову и, увидев лицо Гу Яньцина, наконец позволил себе немного расслабиться.

Их голоса были слишком похожи. Юноша думал, что давно переборол этот страх, но измученное болезнью тело продолжало неосознанно бунтовать при звуках этого тембра.

Линь Цинжаня уложили обратно в постель. Огромный махровый халат сидел на его худощавой фигуре крайне нелепо. Стоило ему слегка повернуться, как широкая ткань соскользнула с плеча, обнажив бледную, гладкую кожу.

Гу Вэньюй опустился на край кровати. Глядя на обнажённое плечо Линь Цинжаня, он почувствовал, как в его душе поднимается глухое, необъяснимое раздражение.

В голове эхом отозвались ядовитые слова Хуан Хайчэна:

«Гу Вэньюй, сука, да ты обычный лицемерный ублюдок! Корчишь из себя порядочного, а внутри такое же дерьмо, как и я!»

«Ты такой же мерзкий, признай это! Тебе ведь тоже до смерти хочется его трахнуть?!»

Гу Вэньюй нахмурился и крепко сжал челюсти.

Да как он может сравнивать его с собой? У него никогда не возникнет вождения к Линь Цинжаню.

Он глубоко презирал этого парня и испытывал лишь омерзение к его грязному телу.

Он протянул руку, чтобы поправить воротник халата и прикрыть оголённое плечо, но случайно коснулся его горячей щеки. В ту же секунду Линь Цинжань перехватил его запястье.

— М-м... — тихо застонал Линь Цинжань, прижимаясь горячей щекой к его прохладной ладони.

Потерявший от жара связь с реальностью, он инстинктивно тянулся к единственному источнику холода.

Мягкие чёрные пряди разметались по белой подушке. Юноша свернулся клубочком, его длинные ресницы изредка подрагивали в такт дыханию. В этот момент он казался невероятно хрупким.

Линь Цинжань непроизвольно потёрся лицом о чужие пальцы, и его губы на мгновение задели ладонь Гу Вэньюя. Тот нахмурился и резко отнял руку.

— М-м... — лишившись желанной прохлады, Линь Цинжань разочарованно наморщил нос и тихо захныкал, явно обиженный потерей.

Вэньюй посмотрел на него, ощущая, как внутри вновь нарастает непонятное раздражение. Он встал и сделал быстрый звонок. Не прошло и нескольких минут, как в спальню, тяжело дыша, вбежал семейный доктор. Несмотря на холодную погоду, его лоб покрывала испарина.

— Молодой господин Гу! — задыхаясь с непривычки, доктор поспешил к кровати, чтобы осмотреть Линь Цинжаня.

— Старший! Доктор сейчас приедет, он обещал поспешить... — в комнату шумно влетел Гу Хайфэн, но мгновенно замолчал, заведя Гу Вэньюя.

Он растерянно уставился на врача, который уже всю осматривал больного. По телефону ему сказали, что придётся подождать, а тут специалист прибыл быстрее, чем он сам успел вернуться.

— Брат... — тихо позвал Хайфэн. Он так и остался стоять у порога, не решаясь подойти ближе, но не сводя встревоженного взгляда с Линь Цинжана.

— Жар слишком сильный, придётся сделать внутримышечный укол, — доктор вопросительно посмотрел на Гу Вэнью.

Заметив едва заметный кивок хозяина, он тут же открыл медицинский саквояж и достал шприц с ампулой.

Личные врачи семьи Гу славились высочайшей квалификацией и лечили по самым современным зарубежным методикам. Гу Хайфэн заворожённо наблюдал, как аккуратно доктор сбивает температуру. Время от времени он искоса поглядывал на молчаливого Гу Вэнью, и его собственное напряжение понемногу спадало.

Линь Цинжань весь пылал. Его обычно бледное лицо залил нездоровый пунцовый румянец, длинные пушистые ресницы подрагивали, а худые ноги были поджаты к груди. В этот момент он напоминал брошенного, несчастного котёнка.

Врач ловко сделал инъекцию. Линь Цинжань всё же тихонько всхлипнул, закусил губу и жалобно пробормотал:

— Больно...

Гу Вэньюй замер, на мгновение решив, что ослышался. Нахмурившись, он спросил:

— Лекарство настолько болезненное?

— У него сильнейшая лихорадка, пришлось использовать концентрированный препарат, — ответил доктор, аккуратно заклеивая место укола. — Он действительно довольно жгучий.

Закончив, он поднял голову и посмотрел на Гу Вэнью:

— Но эта боль — сущие пустяки по сравнению с тем, сколько у него других травм на теле.

Гу Вэньюй промолчал, но его лицо потемнело ещё сильнее.

«Он жалуется на такую ерунду? Разве Линь Цинжань не ловит кайф от боли? С чего вдруг он

сейчас скулит?»

Доктор наложил на лоб пациента охлаждающий пластырь и добавил:

— У этого препарата сильное побочное действие. Позже тело может ломить ещё сильнее.

— Спасибо вам большое, — вежливо поблагодарил Гу Хайфэн, провожая врача к выходу.

— Тебе разве не пора ехать? — Гу Вэньюй равнодушно взглянул на младшего брата.

Гу Хайфэн бросил взгляд в сторону кровати:

— Я хотел дождаться, когда старший проснётся...

— Уходи, — бесстрастно оборвал его Гу Вэньюй.

Гу Хайфэн открыл было рот, чтобы возразить, но под суровым взглядом брата лишь послушно кивнул.

Сделав несколько шагов к выходу, он остановился у двери и тихо обернулся:

— Старшему вчера с самого вечера не по себе. Брат, если у тебя к нему какое-то дело... подожди, пока он поправится.

«Со вчерашнего вечера...»

Гу Вэньюй с раздражением потёр переносицу.

Вчера, после того как он разобрался с Хуан Хайчэном, он ненадолго вернулся в школу, где и наткнулся на Линь Цинжання.

Юноша стоял совершенно неподвижно, тупо уставившись на запертую дверь садовой пристройки. Глядя на его поникшую спину, Гу Вэньюй вспомнил, как тот расспрашивал его о Хуан Хайчэне. В тот момент...

— М-м...

Слабый стон прервал его размышления.

Линь Цинжань перевернулся на бок лицом к нему, свернулся калачиком и уткнулся носом в грудь.

— Больно... — тихо прошептал он, кусая губы. На бледном лбу выступил холодный пот. По его голосу было слышно, насколько ему плохо.

В полузабытьи он судорожно сжимал пальцами простыни, содрогаясь от озноба.

Гу Вэньйуй уже второй раз слышал, как этот парень плачет от боли. Он перевёл взгляд на его разбитую губу, и глаза его потемнели.

«Если он так боится боли, почему на нём постоянно живого места нет? И почему раньше он никогда не жаловался?»

Сам не зная зачем, он протянул руку и коснулся пальцем ранки в уголке губ Линь Цинжаня. Тот болезненно нахмурился, перехватил его ладонь и хрипло, умоляюще прошептал:

— Не надо... больно...

Длинные ресницы задрожали. В уголках глаз скопились слёзы — они дрожали, точно капли дождя на крыльях промокшей бабочки, застигнутой бурей.

Гу Вэньйуй замер на несколько секунд. Попытавшись отстраниться, он случайно задел пальцем рану ещё раз.

— Пожалуйста... не надо... — Линь Цинжань крепко сжал его запястье, словно боясь, что тот снова его тронет.

Слёзы потекли по его лицу, смачивая ресницы. Его искусанная губа припухла и покраснела, на ней всё ещё белел глубокий след от зубов.

Гу Вэньйуй перестал вырывать руку. Он чувствовал, как сильно дрожат пальцы Линь Цинжаня, вцепившиеся в него.

Вэньйуй закрыл глаза и глубоко вздохнул, стараясь унять необъяснимую ярость, поднявшуюся в груди.

Спустя несколько часов Линь Цинжань резко вздрогнул и открыл глаза. Растерянно оглядевшись по сторонам, он через силу поднялся и сел на кровати.

Потерев ноющие виски, он коснулся лба и нащупал прохладный пластырь. Жар наконец спал, кожа больше не горела.

Он хотел позвать кого-нибудь, но в горле так пересохло, что он смог издать лишь тихий хрип.

— Очнулся? — в спальню вошёл Гу Вэньюй, держа в руках аккуратную стопку чистых вещей.

Линь Цинжань молча кивнул.

Гу Вэньюй налил стакан воды, протянул ему, а чистые вещи положил на тумбочку:

— Переоденься.

— Спасибо, — Линь Цинжань принял стакан и сделал несколько глотков. Опустив взгляд, он смущённо поправил воротник халата.

— Одежда может быть немного велика, — добавил Гу Вэньюй, разворачиваясь. — Я выйду.

— Спасибо.

— Да, какой у тебя размер? Я попрошу купить...

Гу Вэньюй осёкся на полуслове. Он обернулся и на мгновение застыл, после чего поспешно вышел наружу, плотно прикрыв за собой дверь.

Он закрыл глаза и потёр переносицу, но представшая перед глазами картина никак не уходила из мыслей.

Он всего лишь хотел спросить размер, чтобы купить ему одежду, ведь его собственные вещи сидели на юноше мешком.

Но он не ожидал, что Линь Цинжань начнёт переодеваться так быстро. Когда он повернулся, тот уже накинул рубашку и собирался надеть штаны, обнажив свои бледные и тонкие ноги.

С досадой выдохнув, Гу Вэньюй нахмурился. Воспоминание о тёмных следах, которые он раньше видел на этой бледной коже, вызвало у него прилив непонятого раздражения. Ему было глубоко плевать на тело Линь Цинжаня.

Спустя пару минут он постучал и, услышав тихий ответ, зашёл обратно.

Чужая одежда действительно оказалась велика. Воротник рубашки сполз набок, обнажая бледные плечи и изящные ключицы.

Линь Цинжань попытался встать. Но тело после сильной лихорадки ещё не окрепло — стоило ему опустить ноги на пол, как в коленях появилась слабость, и он покачнулся, едва не упав.

—... Спасибо, — неловко проморгал Линь Цинжань, поспешно высвобождаясь из рук вовремя подхватившего его Гу Вэньюя.

— И куда ты собрался в таком виде? — спросил тот.

— Хочу вернуться домой. Не могу успокоиться из-за бабушки, — Линь Цинжань коснулся своей раны на лице. — Посмотрю на неё издали, чтобы она меня не заметила.

Он заранее позвонил домой, чтобы бабушка не переживала.

— Я уже навещал её, — спокойно ответил Гу Вэньюй. — С ней всё хорошо. Она просила передать, чтобы ты спокойно занимался своими делами.

Линь Цинжань облегчённо выдохнул и слабо улыбнулся.

Увидев на кровати мокрый халат и свою грязную куртку со следами крови, он собрал их в охапку и понес к ванной.

— Ты что делаешь? — остановил его Гу Вэньюй.

— Хочу постирать вещи, пока кровь не въелась, — серьёзно ответил Линь Цинжань.

Он понимал, что одежда Гу Вэньюя стоит очень дорого.

Гу Вэньюй почувствовал укол раздражения. Он вообще стал слишком часто раздражаться рядом с этим парнем.

Отобрав у него одежду, он швырнул её в стиральную машину.

— Ты ведь говорил, что готов позаниматься со мной в любое время? — Гу Вэньюй повёл его за собой в кабинет. — Вот и давай сейчас.

Они сели за стол. Гу Вэньюй лениво вертел в руке ручку, пока Линь Цинжань сосредоточенно объяснял ему решение задач, которые тот наобум отметил в учебнике.

Постепенно взгляд Вэньюя переместился на его лицо и замер на разбитой губе. В голове снова всплыли утренние воспоминания.

Он долго разглядывал её, а затем протянул руку и резко нажал пальцем прямо на воспалённую рану.

Линь Цинжань вздрогнул и отпрянул назад:

— Что ты делаешь?

— Ничего, — Гу Вэньюй убрал руку и отвернулся.

Пальцы, сжимавшие ручку, напряглись. Раздался негромкий треск — на пластиковом корпусе проступила глубокая трещина.

Он опустил глаза, погрузившись в свои мысли. Реакция Линь Цинжана выдала его с головой.

Тот мог притворяться сколько угодно, но его тело дрожало при малейшем прикосновении к ране.

Линь Цинжань на секунду закрывал глаза, словно пытаясь перетерпеть боль, а затем снова смотрел на него как ни в чём не бывало.

Слова могут лгать. Тело — никогда.

На самом деле он до ужаса боялся боли.

<http://bllate.org/book/18342/1764201>